

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ

Горы

Памяти Алика Дарчиашвили

Есть такой шуточный способ деления людей на две породы, что ли: чай или кофе? собаки или кошки? Достоевский или Толстой? — и пр. Я бы добавил в этот опросник графу “горы или море”? Пастернак, обращаясь к морю, сказал, что, в отличие от всего остального, этой стихии “не дано примелькаться”. Мой сердечный опыт иной: только в виду гор меня не оставляет ощущение торжества, восторга, праздника.

Лучшие из известных мне слов о первом впечатлении от гор сказаны Львом Толстым в повести “Казаки”: “Он подумал, что горы и облака имеют совершенно одинаковый вид и что особенная красота снеговых гор, о которых ему толковали, есть такая же выдумка, как музыка Баха и любовь к женщине, в которые он не верил, — и он перестал дожидаться гор. Но на другой день, рано утром, он проснулся от свежести в своей перекладной и равнодушно взглянул направо. Утро было совершенно ясное. Вдруг он увидел, шагах в двадцати от себя, как ему показалось в первую минуту, чисто-белые громады с их нежными очертаниями и причудливую, отчетливую воздушную линию их вершин и далекого неба. И когда он понял всю даль между им и горами и небом, всю громадность гор, и когда почувствовалась ему вся бесконечность этой красоты, он испугался, что это призрак, сон. Он встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были всё те же... Сначала горы только удивили Оленина, потом обрадовали; но потом, больше и больше вглядываясь в эту, не из других черных гор, но прямо из степи вырастающую и убегаящую цепь снеговых гор, он мало-помалу начал вникать в эту красоту и почувствовал горы. С этой минуты все, что только он видел, все, что он думал, все, что он чувствовал, получало для него новый, строго величавый характер гор... ‘Теперь началось’, — как будто сказал ему какой-то торжественный голос”.

Большинство моих привязанностей по ходу жизни идут на убыль, а эта, кажется, даже крепнет по мере того, как шансы

на очередную вылазку уменьшаются из-за надвигающейся старости и нынешней затяжной эпидемии.

[270]

ИЛ 11/2021

Фото автора

Море поначалу впечатляет, но вскоре делается привычным, будто равнина, степная или пустынная; оно не меняется каждые десять-пятнадцать минут, как горы и их рукотворные сородичи — тесные высокие города.

Речь, видимо, о любви, иначе откуда бы взяться ревности? Я смолоду обуян бесом странствий, так что чувство мгновенной зависти к людям, отправившимся за тридевять земель, мне вполне знакомо. Но применительно к горам душу мигом опаляет вовсе не легкая зависть, а тяжелая растрата. Почему, с какой стати эмоции, уместные, если нечаянно узнаешь про амуры небезразличной тебе женщины, вдруг возникают по отношению к “форме рельефа, изолированному резкому поднятию местности с выраженными склонами и подножием”, говоря по-ученому?

Но как быть — вот и классики описывают любовь к женщине и страсть к “форме рельефа” чуть ли не слово в слово.

Лев Толстой, там же: “Взглянет на небо — и вспомнит горы. Взглянет на себя, на Ванюшу — и опять горы. Вот едут два казака верхом, и ружья в чехлах равномерно поматываются у них за спинами, и лошади их перемешиваются гнедыми и серыми ногами; а горы... За Тереком виден дым в ауле; а горы... Солнце всходит и блещет на виднеющемся из-за камыша Тереке; а го-

ры... Из станицы едет арба, женщины ходят красивые, женщины молодые; а горы... Абреки рыскают в степи, и я еду, их не боюсь, у меня ружье, и сила, и молодость; а горы...”

Теперь — Владислав Ходасевич:

Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море
Или на небе — мне вспомнишься ты.

Будь моя воля, кажется, запер бы эту красоту за глухой стеной от туристических посягательств: пикников, шашлыков, разбитных под семиструнку песнопений — “А Жора целовал мой ледоруб...” и проч. Впору закатить истерику, как в детстве, когда, поскуливая от жадности и жалости, пинал по дороге в школу матовый гребень нового ночного сугроба — “так не доставайся же ты никому”!

Посыпались вперемежку горные воспоминания, будто встал на цыпочки, дотянулся до верхней полки с пыльными фотоальбомами, а удержать не удержал и собираешь по одному снимку с пола, разглядывая наново и бередя душу.

Под Нальчиком осенью я завалил камнями узкое русло речки Кенже, и вода поднялась по колено. Мы по очереди помылись в сумерках в ледяной запруде, оставили общий обмылок на валуне на краю купальни и пошли к костру выпивать. А утром мыло — было да сплыло, и вода стояла почти по пояс, натянутая, как струна: это палую листву ночь напролет несло течением, и она законопатила все щели, и плотина сделалась непроницаема. Жаль, мы уже уезжали и не попользовались вволю своей ванной.

Или такая история, тоже, кстати, произошедшая на берегу покоренной горной реки. По одной из двух главных дорог отечественной литературы — по Военно-Грузинской, мы перевалили из Осетии в Грузию и разбили лагерь неподалеку от Мцхеты, на Куре вблизи ГЭС и точно под Джвари, тогда еще на этом мысу возвышался памятник Ленину.

Почвоведы с утра уехали в Тбилиси, а меня оставили караулить экспедиционное добро. Зной, похмелье, зеленая быстрая Кура, в которой я полоскался, держась, чтобы не угодить в турбины, за привязанный к пирамидальному тополию канат. Вскоре мне это наскучило и по плотине я перешел на другой берег в поисках развлечений. Развлечение ждало меня в образе придо-

рожного шалмана под открытым небом. Я заказал лобио в горшочке, накрытом кукурузной лепешкой, соленья и кувшин белого вина. Мемориальная доска на стене над питьевым фонтаном привлекла мое внимание, я подошел и прочел, что А. С. Пушкин угощался здесь в 1829 году по дороге в Тифлис. Совпадения наших с Пушкиным возрастов и маршрутов произвело на меня такое сильное впечатление, что я тотчас не на шутку задружился с молодыми грузинами с соседнего столика и к вечеру истратил, помимо карманной наличности, прорву чужих денег.

Когда утром, чтобы вернуть долг, я брал у начальника партии весь свой заработок авансом, в камералку, насвистывая “Караван” Дюка Эллингтона, заглянул Виктор Оганесович Таргульян, мачо-коротышка и светило почвоведения. Смерив быстрым взглядом веер купюр поверх финансовой ведомости, он оборвал художественный свист и осведомился: “У нас в отряде кто-то покупает драгоценности?”

А первый раз я очутился в горах по окончании школы. Отец раздобыл четыре путевки на базу отдыха Академии наук на реке Зеленчук в селе Архыз в Карачаево-Черкесии. Жили по-спартански — своей семьей в большой армейской палатке, спали на раскладушках, ели в столовой. На следующий после приезда день я вышел ранним утром на воздух, посмотрел по сторонам, задохнулся (вот-вот, как Оленин!) от высоты и простора, от грохота, скорости и пены зеленоватой реки, и подбил брата-подростка сгонять до обеда туда-обратно на ближайшую поросшую лесом гору с облезлым хребтом. Новичок, я не знал, как “на глаз” обманчиво в горах расстояние, что до цели нашего восхождения еще две-три промежуточных гряды и спуска в ущелья, что для ходьбы по горам нужна особая экипировка, в первую очередь — обувь. И мы пошли в чем были — в шортах и кедах, сокращали, как нам казалось, путь, не следуя изгибам козьих троп, а продираясь напрямик сквозь заросли рододендрона. Через несколько часов пути уже на пределе сил мы достигли талого снега и попали в густой туман. Брат расплакался, я тоже был растерян, но оставил его сидеть на большом валуне и из упрямства все-таки вскарабкался на перевал. Постоял там на ветру несколько минут, дрожая от холода и усталости, посмотрел во враждебную даль, загроможденную насколько хватало глаз тучами и такими же горами, только еще выше, развернулся, пошел обратно, чудом нашел в “молоке” брата, и мы, чувствуя недоброе, поспешили вниз. Последний час мы брели в сгущающейся тьме, вяло переключаясь, осклизаясь и падая, — подробностей я не помню.

Улицы села были совершенно темны, и я вскрикнул, когда земля вдруг зашевелилась и поднялась под моими ногами, —

это я наступил на корову, лежавшую посреди дороги. Примерно через четверть часа плутания навстречу из мрака показалась группа людей с фонариками и факелами. Это отдыхающие базы Академии наук “Архыз” отправились на поиски пропавших братьев Гандлевских. Кажется, отец, поравнявшись со мной, смазал меня по шее.

После того первого знакомства с горами я, как тигр-людоед, вошел во вкус и старался пользоваться любым предложением, чтобы испытать при виде гор сумму самых противоречивых чувств с красивым названием “синдром Стендаля”.

Горные ландшафты распоряжаются твоим временем и перекраивают распорядок дня, точно капризная красавица или малое дитя. Идешь ли ты деловито верхней галереей крепостной стены к сотоварищу по *workshop*у в умбрийской глухомани или собираешь пожитки в кахетинской деревне с панорамой долины Йори, когда от всего этого многоярусного душераздирающего объема разом забываешь, куда ты держишь путь и с какой целью, а там, глядишь, и день пролетел за прилежным *dolce far niente* – вон уже приходят в движение гигантские тени вершин и хребтов, и стремительно смеркается.

Если мохнатые хребты, шумные ущелья и снежные вершины “всего лишь” бесчувственная природа – откуда впечатление благородства и достоинства, которые на склоне лет я все чаще подмечаю во время своих нечастых одышливых прогулок? Сходное впечатление оставляют и старые патриции городской флоры: платан на Римской улице в Тбилиси, дуб возле ветеринарной клиники в Тучково и грандиозный тополь в одном дворе на Покровке! Прав, получается, не больно-то любимый Тютчев: природа не то, что мы мним.

Или вот еще, под занавес. Мы стояли лагерем под Бакуриани, не было житья от гнуса, но кто-то из наших прослышал, что неподалеку горячий источник, серный, кажется.

И точно! “Спидола” на бетонном неряшливом парапете самодельной купальни играла какую-то слезливую кавказскую попсу. Два мальчика лет девяти-одиннадцати бултыхались в теплой белесой воде со специфическим душком, в которую и я, чтобы унять зуд, поспешно погрузился. Маленькая девочка бежала вприпрыжку по направлению к нашему бассейну, но испуганно застыла, увидев меня, и, стоя на безопасном расстоянии, крикнула: “Микис, дэда медзахис!”¹. Микис с неохотой вылез, забрал “Спидолу” и побрел за сестрой.

1. “Микис, мама зовет!” (Груз.)

— А тебя как звать? — спросил я второго мальчика, что-то заподозрив.

— Одиссей, — ответил он.

Маленький Улисс в черных семейных трусах!

[274]

ИЛ 11/2021

По дороге, как говорится, с ярмарки досадуешь, что плохо и наспех смотрел по сторонам в молодые годы. Думал, наверное, что, раз жизнь так расщедрилась в начале, каково-то будет продолжение, пока не водрузил на нос нынешние прощальные окуляры.

Вот бы еще обмереть напоследок на карусели горной дороги, чтобы старая выдавшая виды душа промолвила “Ах!”.